ВАКЦИНЫ НЕ БУДЕТ

ЭДЕМ

ЛОЕС МОРРЕН

Лоес Моррен

Вакцины не будет: Эдем. Книга 3

«Автор»
2026

Моррен Л.

Вакцины не будет: Эдем. Книга 3 / Л. Моррен — «Автор», 2026

Мир погибает, и каждый новый приказ заставляет выбирать, кого ещё можно спасти. Подполковник Виктория Самер выводит уцелевших на остров, отделённый от заражённого материка узким проливом. Здесь можно поставить палатку, разжечь печь и попробовать пережить зиму. Только за инструментами придётся идти через мёртвый город, еды на всех не хватит, а люди, доверившие ей свои жизни, потребуют решений, которых не даст ни один устав.Однажды отряд возвращается с потерями и пленником — человеком с багровой птицей на руке, который ходит среди заражённых без респиратора. Он утверждает, что получил вакцину, и Виктория готова на многое, чтобы узнать, где её достать. Пока она ищет спасение, в убежище появляются охрана, карточки на еду и наказания, а право уйти становится привилегией.Чтобы сохранить людям жизнь, Виктория привыкнет решать за них всё. Но кто остановит её, когда приказ защищать станет оправданием жестокости?*События в книге разворачиваются между первой и второй частью*

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Лоес Моррен
Вакцины не будет: Эдем. Книга 3

Глава 1

Саймон проснулся от удара металла о металл и сначала решил, что обрушилась верхняя койка. Свет резал глаза, кто-то рядом ругался спросонья, а штаб-сержант Кин уже шёл между кроватями, постукивая связкой ключей по спинкам. На нём была застёгнутая полевая куртка, хотя обычно до завтрака он появлялся в одной футболке.

— Подъём, господа отдыхающие, — произнёс он без привычного надрыва. — Сбор на плацу через шесть минут, с личным снаряжением. Занятия отменены, телефоны убрать, вопросы получите возможность задать на построении.

Саймон сел слишком резко и ударился затылком о край верхней койки. Сосед сверху свесил руку, нащупывая ботинок, и едва не попал ему пяткой по носу. В проходе уже толкались люди, пахло тёплым бельём, обувным кремом и вчерашней пиццей, коробку из-под которой так и не вынесли.

— Что за чёрт, Брэнт, у нас же полоса после обеда, — сказал Саймон, натягивая штаны. — Я только в четыре уснул, ты видел. Если это опять проверка готовности, я хочу сразу признаться, что не готов.

Виктор сидел на краю соседней кровати с расстёгнутой рубашкой. Его светлые волосы торчали на макушке, а на щеке отпечатался шов подушки. Он смотрел в телефон, прикрыв экран ладонью, и не улыбался.

— Стрижи, кажется, не шутили, — сказал он. — Ночью сестра прислала запись, а теперь у них в больнице весь персонал вызывают. Ты вчера обращение смотрел или опять футбол до рассвета?

Саймон вспомнил человека в красной маске и фотографию, которую тот держал перед камерой. В комнате отдыха тогда спорили, будет ли магазин работать после матча, и звук телевизора почти сразу убавили. Он успел услышать про десять утра, а потом решил, что обещанная катастрофа подождёт до конца второго тайма.

— Они два года что-нибудь обещают, — ответил он, отыскивая второй носок. — То электростанцию остановят, то порт заблокируют, а потом их показывают в новостях с плакатами. Может, сестру просто на дежурство вытаскивают, такое уже было.

— Вполне может быть, — сказал Виктор и наконец поднял глаза. — Только почему-то она мне велела не ехать домой, если отпустят. Раньше жаловалась, что я редко приезжаю, а сегодня прямо просила держаться подальше.

От соседней койки донёсся треск разрываемой липучки. Коул стоял босиком, держа куртку в зубах и пытался одновременно заправить рубашку и набрать номер. Он дождался ответа, отвернулся к шкафу и заговорил так тихо, что Саймон разобрал только просьбу никуда не выходить.

Кин остановился у двери и посмотрел на часы. Он не торопил отдельных людей, и от этого Саймон начал одеваться быстрее. На занятиях сержант непременно уже обругал бы их за медлительность и нашёл сравнение, которое заставило бы смеяться даже виноватых.

Саймон открыл свой шкаф, и из сложенной футболки выскользнула бумажная салфетка. В воскресенье мать завернула в неё два куска пирога, словно еду на базе выдавали только по праздникам. Он подобрал салфетку, скомкал и вместо того, чтобы выбросить, сунул в карман куртки.

Сообщений от неё не было, и это почему-то успокоило сильнее собственных рассуждений. Саймон взял телефон и начал набирать смс, что занятия отменили и их куда-то отправляют, но стёр последнее слово. Получалось тревожно, а объяснить, куда именно, он всё равно не мог.

— Хейл, телефон в карман, — сказал Кин, задержавшись рядом. — Если вам разрешат звонить, я сообщу. Сейчас мне нужны свободные руки и оба ваших глаза.

Саймон убрал телефон, так и не отправив сообщение. Виктор застегнул на его плече перекрутившийся ремень, хлопнул ладонью по пряжке и двинулся к выходу. За дверью тянуло прохладой, над плацем горел свет, а возле оружейной уже выстроилась очередь.

Мимо быстрым шагом прошёл офицер с папкой под мышкой. Он прижимал к уху телефон и повторял, что ему нужны подтверждённые сведения, после чего исчез за углом штаба. Саймон поискал взглядом тех, кто знал больше, но все вокруг смотрели в ту же сторону.

У оружейной очередь двигалась рывками, и каждый такой рывок сопровождался звоном ремней и руганью из открытой двери. Саймон прижался плечом к стене, пропуская человека с ящиком, и почувствовал холод кирпича сквозь куртку. Изнутри пахло маслом, которым он вчера протирал свою винтовку, не подозревая, что получит её обратно раньше следующего занятия.

— В ведомости расписываетесь напротив своей фамилии, — говорил кладовщик, не поднимая головы. — Ничего не меняете, чужого не берёте, обнаруженную неисправность докладываете сразу. Если ручку опять унесёте, следующую запись будете делать кровью.

Виктор взял оружие и протянул кладовщику ручку, попросив расписаться, что получил её обратно. Тот устало оттолкнул её, не заметив шутки, и Брэнт перестал улыбаться. Саймон расписался следом, проверил выданное и отступил, освобождая место для Коула.

Обычно боеприпасы выдавали отдельно перед стрельбами, а потом пересчитывали гильзы. Сегодня магазины легли в подсумки сразу, и никто не рассказывал, когда начнётся упражнение. Саймон поймал себя на том, что ждёт команды всё разрядить и начать заново, потому что кто-нибудь обязательно ошибся.

— Нам что, разыграть оборону столовой предлагают? — спросил Грант у Кина. — Я не возражаю, только хотелось бы понимать, от кого её защищать. Последний раз повар победил раньше первого выстрела.

— От любителей задавать вопросы поперёк работы, — ответил сержант. — Проверяй своё имущество, Грант, у нас мало времени. Когда узнаю задачу полностью, услышишь её не последним.

Капрал Прайс уже раскладывал на длинном столе защитные комплекты. Он брал каждый, осматривал и передавал владельцу, а рядом росла небольшая кучка того, что его не устраивало. У Саймона капрал проверил размер, помог поправить крепление и лишь затем отпустил.

— Здесь по накладной восемь, а пригодных шесть, — сказал Прайс человеку за столом. — Эта упаковка вскрыта, у второй повреждён клапан, сами посмотрите. Лишнюю подпись я вам не поставлю, принесите замену.

Кладовщик вытер лоб рукавом и показал на дверь во внутреннее помещение. Он объяснил, что всё уже пересчитали ночью, и предложил разобраться после возвращения. Прайс молча придвинул к нему повреждённый комплект, положил сверху накладную и остался стоять.

Саймон знал капрала в основном по привычке чинить всё, к чему остальные боялись прикасаться. Однажды тот полдня возился с кофеваркой, которую командир уже велел выбросить, и заставил её работать, хотя кофе после ремонта пах пластмассой. Теперь его упрямство задерживало выдачу, но Саймон впервые был этому рад.

Коул вышел в коридор, сунув ладонь под ворот куртки. Телефон он держал так, чтобы не было видно из комнаты, и Саймон услышал в трубке женский голос. Говорили о школьном автобусе, который ещё не пришёл, хотя дети уже стояли на остановке.

— Позвони соседке, пусть подождёт вместе с вами, — попросил Коул. — Нет, я не знаю, отменят ли занятия у вас, нам тоже ничего не объяснили. Просто не стой одна, хорошо, я перезвоню, как только смогу.

Он убрал телефон раньше, чем Кин повернулся. Грант хотел что-то спросить, но посмотрел на лицо товарища и промолчал. Виктор отдал Коулу выпавшую перчатку и отвёл глаза, словно не слышал разговора.

Замена наконец нашлась в другом ящике. Прайс осмотрел принесённое, расписался и начал ещё раз сверять количество с фамилиями, водя коротким карандашом по бумаге. Саймон проверил пряжку на подбородке и вдруг заметил, что у сержанта на радиостанции почти непрерывно мигает индикатор приёма.

— Мне нужны время и место, — произнёс Кин в микрофон. — У меня люди на выдаче, без этого я не смогу подготовить транспорт. Подтверждаю, семь человек, но сопровождение медиков в моём распоряжении не значится.

Ответа Саймон не разобрал, однако лицо Кина стало ещё неподвижнее. Сержант отключил передачу и велел заканчивать, после чего сам помог захлопнуть непослушную застёжку на сумке Брукса. Так он поступал редко, предпочитая ждать, пока человек справится собственными руками.

С улицы донёсся сигнал грузовика, затем хлопнула дверь и кто-то назвал фамилию Самер. Кин оглядел своих людей, проверил, не остался ли кто-нибудь в оружейной, и указал на выход. На вопросы о завтраке он ответил, что пайки уже грузят и есть придётся в дороге.

Два грузовика стояли перед штабом, и возле каждого на асфальте лежали рулоны сетки. Между ними поставили складной стол с картой, прижатой по углам бутылками воды, а рядом дожидалась женщина в полевой форме. Её коротко остриженная голова была непокрыта, и Саймон заметил на виске светлую полоску кожи, до которой недавно не доходило солнце.

Самер дождалась, пока обе группы подойдут, и посмотрела на Кина. Тот подтвердил готовность, назвал число людей и передал накладную Прайса. Подполковник пробежала её глазами, задержалась на исправленной строке и вернула бумагу без замечаний.

— Работаем на двух выездах, — сказала она, наклоняясь над картой. — «Альфа» занимает восточный участок, «Браво» идёт через залив и ставит контроль на городской стороне моста. Движение из города приостановить до прибытия санитарной группы, въезд транспорта согласовывать по связи.

— Пропускаем экстренные службы по подтверждению, — продолжала Самер. — К каждому водителю в салон не лезем, вокруг машин толпиться не позволяем. Если появляются больные, отделяете их от очереди и вызываете медиков, самостоятельно диагнозы не ставите.

— Когда ждать санитарную группу? — спросил Кин, глядя на карту. — У меня отделение без медицинского специалиста, запас воды ограничен, а там два потока движения. Если начнут приезжать семьи, долго держать их на дороге не получится.

Самер перевела взгляд на офицера у входа в штаб. Тот сверился с телефоном, покачал головой и сказал, что время уточняется. Саймон ожидал, что подполковник потребует немедленного ответа, но она лишь убрала с края карты пустую бутылку.

— Будете сообщать мне обстановку каждые полчаса, — сказала она Кину. — При резком изменении вызывайте сразу, не дожидаясь следующего доклада. До прибытия врачей людей наружу не выпускать, это касается и тех, кто предъявит справку о прекрасном самочувствии.

Грант поднял руку, но говорить начал раньше разрешения. Он спросил, распространяется ли запрет на женщин с детьми, если они приехали до официального закрытия. Самер выслушала до конца, не меняя выражения лица.

— В отношении них действует тот же порядок, рядовой, — ответила она. — Отдельного безопасного выезда для семей у нас нет, и подтвердить отсутствие заражения мы пока не можем. Возникнет случай, который вы не в состоянии разрешить, вызывайте командира, а не придумывайте исключение на месте.

Саймону не понравилось, как легко она произнесла слово «случай». За ним помещались мать с ребёнком, старик на заднем сиденье, человек, опаздывающий на работу, и все должны были ждать неизвестных врачей. Он попытался представить, как объяснит это водителю, который рассчитывал просто пересечь мост.

Самер тем временем подошла к грузовику и отдёрнула край брезента. В кузове обнаружились три канистры, ящики с пайками и свёрнутая палатка, но воды оказалось меньше, чем значилось в накладной. Она подозвала дежурного и велела добавить ещё, не принимая объяснения, что столько уже выдали второй группе.

— Винтовки с водой не взаимозаменяемы, лейтенант, — сказала она негромко. — Люди будут работать весь день, а вы сейчас предлагаете решить проблему их жаждой. Возьмите резерв из штаба, я разрешаю, только не отправляйте их с обещанием подвезти потом.

Дежурный ушёл почти бегом, а подполковник проверила связь с Кином. Саймон стоял неподвижно, чувствуя под воротником пот, и слушал, как они повторяют позывные. Вроде бы всё делалось правильно, но ни один человек не произнёс, когда им разрешат вернуться.

— Средства защиты держать при себе, — сказала Самер напоследок. — Режим их использования получите по общему каналу, проверка готовности обязательна до выезда. Если связь пропадёт, не отправляйте людей поодиночке искать начальство, сохраняйте группу и действуйте по обстановке.

Кин повторил задачу своими словами, и она поправила только место размещения палатки. Затем задержала его ещё на минуту, пока остальные полезли в кузов, и Саймон услышал фразу про изменившиеся условия. Самер сказала, что не нужно ждать её разрешения доложить о том, чего не предусматривал приказ.

Саймон сел рядом с Виктором, поджав ноги, чтобы не задевать сетку. Прайс занял водительское место, Брукс протянул оставшимся внизу руки, а Кин поднялся последним и закрыл борт. Со стороны штаба принесли ещё две упаковки воды, и только после этого грузовик тронулся.

На выезде их задержали ровно на столько, сколько понадобилось часовому, чтобы убрать заграждение. За воротами стоял парень на велосипеде с бумажным пакетом из пекарни, и Саймон почему-то очень ясно увидел жирное пятно возле сгиба. Парень проводил машины взглядом, снял на телефон и снова уставился на закрытые ворота.

— Если война затянется до обеда, я капитулирую перед ближайшей закусочной, — сказал Виктор. — Грант, у тебя опять фасоль, не вздумай открывать её под тентом. У нас и без тебя достаточно оснований получить надбавку за опасную службу.

Грант ответил жестом, но крекерами поделился. Брукс отказался, сказал, что их обязательно накормят на месте, и начал объяснять, почему всё происходящее похоже на большую проверку. По его словам, настоящее чрезвычайное положение не начинали бы с неисправного имущества и двух грузовиков без сопровождения.

— Ты когда-нибудь видел настоящую аварию? — спросил Виктор, придерживая сумку коленом. — У нас на улице трубу прорвало, так водопроводчики приехали без нужного ключа. Дом затопило до второго этажа, зато заявку потом закрыли точно в срок.

— А я тебе говорю, будет оцепление на полдня, — упорствовал Брукс. — Камеры приедут, начальство отчитается, а мы постоим для красоты. Не могут они всерьёз перекрыть весь город из-за человека в маске.

Коул слушал, не поднимая головы. Он достал из кармана телефон, проверил экран и убрал, после чего уставился на собственные ботинки. Саймон хотел спросить про автобус, но не решился заводить этот разговор при остальных.

Грузовик притормозил перед перекрёстком, и через щель у борта стало видно соседнюю полосу. Женщина в маленькой красной машине держала руль одной рукой, второй поправляла себе волосы в зеркале. На заднем сиденье мальчик вёл пластикового динозавра по стеклу, оставляя мутную дорожку.

Саймон смотрел на него, пока поток снова не тронулся. Ему было трудно совместить этих людей с картой на складном столе, где всё выглядело просто: две дороги, два заграждения, два обозначенных участка. Женщина свернула к аптеке, мальчик исчез за стойкой кузова, а грузовик покатил дальше.

— Лицо того мужика вчера запомнил? — спросил Грант, наклонившись к Виктору. — Которого они на фотографии показали, будто он им всё устроил. Я, между прочим, на его месте теперь сильнее боялся бы соседей, чем полиции.

— Обычный какой-то, — ответил Виктор после короткого молчания. — Такие в очереди стоят и раздражаются, если кассир медленно считает. Не знаю, чего он хотел, но знаменитым стал, можно поздравить.

Кин посмотрел на них, и разговор прекратился. Сержант сидел ближе к открытому борту, прижимая наушник к уху, и время от времени наклонялся к кабине Прайса. Впереди грузовик «Альфы» включил указатель поворота и ушёл направо, а их машина покатилась по левой дороге к воде.

Телефон завибрировал у Саймона под курткой, и он достал его, прикрыв экран ладонью. Мать написала, что в магазине разобрали хлеб и кассирша сказала о возможном закрытии школ. Следом пришёл вопрос, знает ли он что-нибудь, потому что по телевизору только повторяют, что причин для паники нет.

Он набрал, чтобы она купила продукты в другом месте и вернулась домой. Потом вспомнил приказ убрать телефон и стёр совет про продукты, показавшийся похожим на предупреждение. Оставалось написать, что он ничего не знает, но отправлять эти слова не хотелось сильнее всего.

Грузовик выехал на мост, и под колёсами загрохотали стыки. Вода внизу была серой, у дальнего берега тянулись причалы, а над ними кружили птицы. Возле острова Саймон заметил белую башню, которую отец когда-то показывал ему с прогулочного катера, но поворот скрыл её раньше, чем он успел рассмотреть.

Встречная машина замедлилась, водитель высунул руку и что-то спросил. Прайс не остановился, и человек махнул ему вслед, принимая молчание за невежливость. Саймон сунул телефон обратно, придержал сумку на коленях и почувствовал, как грузовик начал тормозить.

На городской стороне моста было достаточно места для кармана, где раньше проверяли тяжёлые машины. Теперь сюда предстояло поставить палатку, перенести заграждения и развернуть поток обратно. Кин спрыгнул первым, оглядел дорогу и велел всем держаться правее, потому что водители пока не понимали, зачем здесь солдаты.

Когда Саймон взял кувалду, длинная рукоять оказалась влажной от чьих-то ладоней. Виктор придерживал стойку, отвернув лицо, и посоветовал не путать железо с его пальцами. Первые два удара вышли косыми, на третьем металл наконец ушёл глубже, и вибрация отдалась у Саймона в плечах.

Они менялись каждые несколько минут, перемещаясь вдоль обочины. Сетка всё время стремилась свернуться обратно, цепляла ткань перчаток, царапала землю и гремела так, будто её тащили по пустому ведру. За их спинами Прайс с Бруксом ставили палатку, а Коул и Грант помогали Кину разворачивать первые машины.

— Я думал, служба даст профессию, — сказал Виктор, упираясь ботинком в основание стойки. — Теперь умею строить забор, валяться в грязи и есть за три минуты. Если у твоей матери есть ферма, передай, что работник уже готов.

— У неё две клумбы и старый сарай, — ответил Саймон, опуская кувалду. — За клумбы она тебе голову открутит, а сарай давно обещали снести. Можешь начать с него, если нас в воскресенье отпустят.

Виктор посмотрел на него, затем перехватил стойку пониже. Улыбка осталась, но Саймон понял, что слова про воскресенье прозвучали неубедительно даже для него самого. Он снова поднял кувалду, и разговор прервался, оставив обоих с тяжёлой, понятной работой.

К полудню автомобильная очередь вытянулась за поворот. Кин отправил запрос медикам, потом ещё один, а из радио в кабине донеслось объявление о заболевших в аэропорту. Саймон услышал, что случаи находятся под контролем, и невольно посмотрел на сержанта, который снова поднёс к губам микрофон.

Виктор закончил закреплять нижний край и ушёл помогать у палатки. Саймон остался собирать проволоку и пустые упаковки, когда рядом с ним остановился пожилой мужчина в клетчатой рубашке. Он нёс в руке бутылку воды и, прежде чем заговорить, поставил её на бетонный блок.

— Сынок, я к дочери еду, она на той стороне, — сказал он, показывая через мост. — У меня дома никого, продукты все в машине, мне только до неё добраться. Скажи, к кому подойти, чтобы по-человечески объяснить, а то ваш сержант меня даже слушать не хочет.

Саймон выпрямился и оглянулся на Кина. Тот спорил сразу с двумя водителями, а Коул отводил женщину подальше от проезжей части. Поблизости не было никого, кто мог бы вместо Саймона произнести то, что ему полагалось сказать.

— Выезд пока закрыт, сэр, — ответил он, стараясь говорить спокойно. — Нужно дождаться медицинской проверки, сейчас пропускают только по отдельному подтверждению. Вернитесь, пожалуйста, в машину, так будет безопаснее, здесь всё время поворачивает транспорт.

— Так я не болею, посмотри на меня, — мужчина развёл руками и негромко засмеялся. — Утром давление проверял, врач бы позавидовал, и температура нормальная. Дочь волнуется, у неё мальчик маленький, они там меня с самого утра ждут.

Саймон повторил про проверку и услышал собственный голос как будто со стороны. Мужчина перестал улыбаться, забрал бутылку и ещё несколько секунд стоял, надеясь, что рядовой добавит что-нибудь полезное. Затем спросил о времени прибытия врачей, и Саймон вынужден был признаться, что ему его не сообщили.

К вечеру его уже тошнило от вида, когда он различал эту клетчатую рубашку между машинами. Мужчина дважды подходил к Кину, разговаривал по телефону и однажды поднял бутылку, словно предлагая Саймону выпить. Рядовой сделал вид, что не заметил, и долго поправлял крепление на сумке, хотя с ним всё было в порядке.

Самер вышла на связь после того, как стемнело. Кин доложил о собравшихся людях, нехватке свободного места и отсутствии санитарной группы, а подполковник потребовала ещё раз подтвердить запрос. Саймон слышал только её голос из динамика, ровный и чуть приглушённый помехами.

— До осмотра никого не выпускать, — повторила она. — Если кому-то становится плохо, сообщайте немедленно, отдельно от очередного доклада. По ночному освещению и дополнительной воде вопрос решаю, держите людей подальше от полосы движения.

Саймон отложил недоеденный паёк и достал телефон, на котором оставалось неотправленное сообщение. Теперь в нём многое требовало объяснения, но он дописал только просьбу оставаться дома и нажал на экран. Ответа не было, и он положил телефон рядом с ботинком, чтобы сразу услышать вибрацию.

За брезентом проехала машина, осветив палатку с одной стороны. На ткани проступила сетчатая тень, потом ушла, и Саймон закрыл глаза, продолжая слышать пререкания у шлагбаума. Ему казалось, что он ещё не заснул, когда снаружи закричали так громко, что Виктор сорвал куртку с лица и сел.

— Эй, военные, сюда! — донёсся мужской голос со стороны очереди. — Вы же видите, человеку плохо, почему никто не идёт? Откройте наконец ваш чёртов забор!

Глава 2

Саймон выскочил из палатки, не попав рукой в рукав куртки. Застёжка ударила по подбородку, холодный воздух обжёг влажную шею, и на несколько секунд он перестал понимать, где находится. Винтовка висела на плече, у заграждения метался свет фонаря, а Кин уже пробирался между машинами.

Человек лежал возле белого фургона, поджав ногу под себя. Над ним склонилась женщина в расстёгнутом пальто и всё повторяла, что он просто устал, что они стоят здесь со вчерашнего утра. Мужчина, который звал солдат, пытался поднять лежащего за плечи, но тот громко застонал.

— Оставьте его пока, мы подойдём, — сказал Кин, заставляя людей отступить. — Хейл, принеси аптечку, Брэнт, освободи проход к палатке. И никто больше сюда не лезет, от вашей помощи ему уже повернуться негде.

Саймон побежал обратно и едва не столкнулся с Коулом. Тот подхватил выскользнувшую из рук сумку, передал её ему и первым направился к фургону. В палатке остался Брукс, который спросонья пытался застегнуть ботинки и ругался на липнущий к пальцам шнурок.

Водителя усадили на складной стул подальше от очереди. Он дрожал, хотя лицо блестело от пота, и всё старался объяснить, что ему нужно за руль, иначе начнут сигналить. Саймон подал ему воду, но женщина перехватила бутылку и спросила, где врач, которого они обещали привезти ещё днём.

— Запрос передан, мы ждём машину, — ответил Кин, придерживая стул. — Вашему мужу лучше сейчас не вставать, пусть немного посидит. Фамилию назовите и скажите, когда ему стало плохо, я передам это отдельно.

Она назвала фамилию, затем потребовала записать её собственную и номер автомобиля. Саймон видел, как сержант старательно выводит буквы на размокшем краю ведомости, словно от разборчивого почерка зависела скорость приезда врачей. Мужчина рядом прикрыл глаза и дышал через открытый рот.

До рассвета Саймон ещё дважды приносил им воду. Лекарств, которые женщина спрашивала у солдат, не оказалось, а вызванная помощь так и не приехала. Под утро она перестала спорить и сидела рядом с мужем, держа его за запястье под рукавом пальто.

Очередь начинала просыпаться вместе с городом. Хлопали двери, дети просились в туалет, водители по одному выходили размять ноги и оставались стоять группами. За ночь к машинам у сетки добавились новые, а ближний перекрёсток окончательно перестал двигаться.

— У меня ребёнку шесть лет, вы это понимаете? — спрашивал у Кина мужчина с девочкой на руках. — Она ночью в кресле спала, у неё спина уже болит, а вы нас опять разворачиваете. На другой стороне моя сестра, там есть кровать, ванна и нормальная еда.

Рядом женщина протягивала документы на дом за заливом и требовала хотя бы проверить адрес. Люди слушали чужие просьбы, находили их менее важными, чем собственные, и вмешивались прежде, чем сержант успевал ответить. Саймон принёс упаковку воды и сразу услышал, что солдаты специально держат всех на дороге, чтобы потом раздавать им по глотку.

Старик в клетчатой рубашке дождался, пока рядом освободится место. Он достал небольшой пакет с лекарством и объяснил, что забрал у дочери её покупку, собираясь заехать по пути. Теперь он просил пропустить не машину, а хотя бы пакет, если кто-нибудь из военных поедет обратно.

Саймон взял пакет, затем растерянно посмотрел на мост. В ту сторону никто не собирался, а пообещать отвезти самому означало бы соврать человеку, который уже говорил с ним без надежды. Он вернул лекарство, объяснил про отсутствие смены и услышал тихое спасибо, от которого захотелось провалиться сквозь асфальт.

Из динамика у Кина снова донёсся голос Самер. Она требовала подтвердить местонахождение больного и переданный запрос, но время прибытия врачей не назвала. Сержант ответил, что данные не изменились, а людей у него уже больше, чем он способен удержать возле дороги.

У белого фургона закричала женщина, и разговоры на мгновение стихли. Её муж попытался подняться, сделал два шага и упал лицом вниз, опрокинув стул. Коул бросился к нему, но мужчина из соседней машины оттолкнул его спутницу, закрывая ей путь обратно к очереди.

— Не подходите сюда, вы с ним всю ночь сидели! — крикнул он, выставив перед собой ладони. — Уводите её вместе с ним, вы же видите, что происходит. Я вам своего ребёнка заразить не позволю!

Кин велел всем надеть защиту, и Саймон впервые не смог сразу справиться с ремнями. Перчатки цеплялись за край сумки, дыхание сбилось ещё до того, как лицо оказалось закрыто. Он видел руки Виктора возле собственной щеки и злился на себя за то, что товарищ снова должен ему помогать.

Женщина стояла возле мужа на коленях и смотрела, как солдаты меняются у неё на глазах. Несколько минут назад они отвечали ей человеческими голосами, а теперь слова доносились глухо, из-за закрытых лиц. Она попыталась спросить, есть ли такая маска для неё, и Кин отвернулся к Прайсу.

Запасной комплект нашёлся в грузовике, но больше раздавать было нечего. Прайс принёс его женщине, а Грант и Коул перенесли больного под навес у дальнего ограждения. Саймон удерживал проход, стараясь не встречаться глазами с теми, кто теперь требовал защиту для себя.

— У меня на улице больница, — говорила женщина с документами на дом. — Почему вы не можете посадить его в свою машину и отвезти туда, если скорая не едет? Или вам разрешено только стоять здесь с оружием и повторять одно и то же?

Саймон начал объяснять, что грузовик нужен подразделению, но она даже не дослушала. За её спиной люди уже спорили, можно ли пользоваться общей водой, если больной пил из бутылок той же упаковки. Кто-то рванул к своей машине, за ним двинулись остальные, и свободный проход снова исчез.

По радио передали, что санитарный транспорт занят в аэропорту. Затем другой голос потребовал освободить подъезды к госпиталю, а третий назвал участок, где машина с врачами не может развернуться из-за пробки. Кин просил подтвердить, кто из них принимает его вызов, но ответы накладывались друг на друга.

Саймон услышал про упавший самолёт от водителя, державшего телефон над головой. Тот показывал запись вчерашнего пожара и уверял, что это произошло только что, хотя под роликом стояло другое время. Люди тянулись к экрану, передавали услышанное дальше, и к концу очереди уже дошёл рассказ о нескольких горящих лайнерах.

Он хотел поправить их и не нашёл слов, которые прозвучали бы убедительно. Вчерашнее крушение не делало происходящее менее страшным, а сам он о нём до этой минуты почти ничего не знал. На другом конце моста показались две санитарные машины, однако обе свернули на боковую дорогу, не доехав до блокпоста.

Виктор отошёл к грузовику и достал телефон. Он несколько раз набрал один и тот же номер, дождался длинных гудков и прижал аппарат к уху так сильно, что побелели пальцы. Потом попытался записать голосовое сообщение, но закрыл его, не закончив первой фразы.

— Сестра? — спросил Саймон, когда тот убрал телефон. — Может, у неё руки заняты, ты сам говорил, всех вызвали на работу. Она ведь не обязана отвечать каждую минуту, особенно сейчас.

— Я это и без тебя знаю, — ответил Виктор слишком громко. — У неё было время написать утром, что их переводят в другой корпус, и с тех пор ничего. Просто скажи, когда Кин снова выйдет на связь, я хочу послушать, что там насчёт больниц.

Над дорогой прошёл вертолёт, низко и быстро, заставив людей пригнуться. Саймон поднял голову вслед за ним и увидел на горизонте тёмную полосу дыма, которая сливалась с облаками. Через несколько секунд оттуда донёсся глухой удар, и кто-то в очереди спросил, зачем в аэропорту стреляют.

Второй удар оказался сильнее, его Саймон почувствовал подошвами ботинок. Прайс стоял возле кабины, слушая радио, и не отреагировал на вопрос Гранта, пока тот не коснулся его плеча. Потом капрал коротко сказал, что подтверждённого приказа об открытии дороги по-прежнему нет.

В общем канале прозвучало требование всем наземным группам покинуть один из секторов аэропорта. Саймон разобрал слова о повторном заходе авиации, а затем треск заглушил остальное. Он смотрел на дым, ожидая увидеть самолёт, но небо над ним оставалось пустым.

У сетки начали кричать, что солдатам всё известно и они просто берегут свободный мост для своих. Мужчина с девочкой уже не держал её на руках, ребёнка забрала жена и усадила в машину. Сам он пробирался вперёд вместе с другими водителями, которым больше не хотелось разговаривать по одному.

Первый пикап появился из бокового проезда, объехав хвост очереди по тротуару. Водитель не пытался спорить, не высовывался из окна и не показывал документов, а просто двигался вперёд, тесня легковые машины. Саймон заметил на дверях прикрученные листы металла и подумал, что человек потратил на это несколько часов, пока они ждали врачей.

Кин вышел навстречу, подняв руку, и потребовал остановиться. Из кузова пикапа ему что-то ответили, но слова потерялись за сигналами машин. Коул начал отводить людей от полосы, и мужчина с девочкой впервые послушался без возражений.

— Хейл, убери их за грузовик, — приказал сержант, не поворачивая головы. — Брэнт, не подпускай никого с той стороны, там сейчас начнут давить. Пока команда не дана, сами ничего не придумываете и смотрите друг на друга.

Саймон взял женщину за локоть и почувствовал, как она вырывается. Она решила, что её опять оттесняют от выезда, и начала кричать о своих правах, но в этот момент раздался выстрел. Кто стрелял, он не увидел, только услышал звон разбитого стекла справа и сразу пригнулся.

Люди бросились между машинами, пытаясь найти укрытие там, где ещё минуту назад стояли, разговаривая. Саймон толкнул женщину вниз за бетонный блок, заслонил её от прохода и увидел, как пикап дёрнулся вперёд. Заграждение перед ним сдвинулось, колесо вскочило на край основания, а затем всё закрыл выброс грязи и дыма.

Удар пришёлся в грудь, хотя рядом ничего не коснулось его тела. Он ударился плечом о бетон, потерял женщину из виду и несколько секунд слышал только высокий непрерывный звон. В дыму кто-то продолжал стрелять, а по асфальту стучали падающие осколки.

Когда воздух немного прояснился, Саймон увидел перекошенный кузов у разорванной сетки. Открытый огонь возле первой машины заставил людей отхлынуть, но за ней уже выдвигалась другая. Сразу несколько водителей приняли образовавшийся проход за разрешение и нажали на газ, не дожидаясь, пока станет видно дорогу.

— Они через нас поедут, — сказал Виктор у самого уха, хватая его за плечо. — Саймон, ты меня слышишь, вставай, нельзя здесь сидеть. Кин велел к палатке, там Брукс остался, он сам не дойдёт.

Брукс лежал возле поваленного столба, поджав под себя правую ногу. На ткани возле бедра темнело пятно, а на лице застыло возмущённое выражение, будто он всё ещё пытался доказать, что никакой опасности не было. Увидев Саймона, он выругался и попросил убрать с него эту проклятую железку.

Они с Виктором приподняли обломок и вытащили его, зацепив курткой за торчащую проволоку. Саймон не почувствовал, как распорол рукав, пока Виктор не перехватил его руку

и не показал кровь. Самого Брукса пришлось тащить, потому что, попытавшись встать, он закричал и рухнул обратно.

Прайс подогнал грузовик ближе к мосту, а Коул помог поднять раненого в кузов. Грант приволок сумку, за которой возвращался к палатке, и швырнул рядом с бортом, не замечая, что из неё вывалилось одеяло. На нём осталась стоять чья-то нога, пока владелец пытался перелезть через порванную сетку.

Кин появился последним, прикрывая ладонью микрофон от грохота. Саймон услышал голос Самер только потому, что сержант подошёл вплотную, и различил разрешение оставить позицию. Следом она потребовала подтвердить, что группа ещё может перейти мост, и Кин посмотрел за спину на проезжую часть.

По мосту двигалась легковая машина, успевшая проскочить в начале суматохи. За ней пробирался мужчина пешком, держа над головой сумку, как будто она могла защитить от выстрелов. Дальше опять скопились автомобили, и Саймон увидел клетчатый рукав в одном из открытых окон, но не успел разглядеть лицо.

— Отходим всей группой, — сказал Кин, поворачивая его к грузовику. — Коул, Грант, помогаете Бруксу, остальные со мной, на другой стороне сверимся. Никого снаружи кузова не оставлять, и смотрите, куда ставите ноги.

Саймон забрался на борт и протянул руку Виктору. Машина тронулась раньше, чем они успели сесть, и он упал на колени рядом с раненым, чувствуя под ладонями рассыпанные крекеры. За грузовиком снова загудели двигатели, а Кин, глядя назад, повторял в микрофон, что переправу они удержать не смогут.

На внешнем берегу их остановил военный с жёлтой повязкой поверх рукава. Он показал Прайсу площадку за дорожной насыпью и побежал к небольшому служебному зданию, возле которого стояла инженерная машина. Её Саймон заметил только теперь, хотя накануне они проехали совсем рядом.

Прайс остановился за укрытием, не глуша двигатель. Кин спрыгнул, велел Гранту оставаться с раненым и позвал Саймона за собой, а Виктор направился к переднему краю насыпи. Саймон хотел сначала убедиться, что Бруксу помогают, но сержант повторил фамилию, и пришлось бежать.

В служебном здании пахло пылью, разогретым пластиком и чужим табаком. На столе лежала схема переправы, рядом стояло оборудование, к которому Саймон не прикасался даже на занятиях. Военный с повязкой разговаривал по телефону, прижимая пальцы к свободному уху, а Кин ждал подтверждения по своему каналу.

— Инженерная группа получила приказ на отход, — сказал сержант, заметив его взгляд. — Переправа подготовлена, управление останется здесь до последнего, после команды мы тоже уходим. Твоя задача принять подтверждение и выполнить то, что тебе укажут, ничего больше не трогаешь.

Саймон посмотрел на стоявшего у стола человека, ожидая поправки. Тот коротко подтвердил готовность, показал единственный орган управления и сразу убрал схему в сумку. Никакого объяснения того, как всё устроено, не последовало, и Саймон понял, что его позвали не учиться.

Через грязное окно было видно часть моста и полосу серой воды под ним. По проезжей части шли люди, некоторые бежали, но возле городской стороны машины всё ещё двигались слишком плотно. Одна остановилась поперёк, перекрыв проход, и из-за неё почти не было видно тех, кто остался у разрушенного блокпоста.

— Там ещё люди, — сказал Саймон, не отводя глаз от окна. — Сержант, передайте, пусть дадут им пройти, они пешком идут. Если их сейчас не толкать, они успеют, здесь же совсем немного осталось.

Кин посмотрел на него, потом вышел за дверь. Через несколько секунд с улицы донёсся его голос, усиленный мегафоном, и люди на мосту начали двигаться быстрее. Саймон увидел, как один мужчина обернулся за женщиной, отстал и вернулся к ней, хотя остальные уже бежали мимо.

Кин вернулся к столу, держа радиостанцию перед собой. В динамике что-то трещало, затем отчётливо прозвучало подтверждение, и Саймон вдруг очень ясно услышал, как у него в кармане задели друг друга ключи. Он оставил их там перед выездом, потому что собирался вернуться после задания и переодеться к ужину.

— Подождите ещё, — попросил он, увидев женщину у ближайшей опоры. — Вон они уже здесь, им только до края добежать. Сержант, я вас прошу, передайте, что они подходят, пусть подождут ещё немного.

Кин снова вызвал Самер и сказал, что последние ещё на переправе. Ответ занял несколько секунд, за которые Саймон успел представить, как грузовик трогается, все уезжают, а мост остаётся на месте. Потом сержант убрал радиостанцию от лица и велел дождаться его команды.

Женщина добралась до внешнего берега, цепляясь за руку спутника. На дальней части моста появилась ещё одна машина, медленно объезжавшая брошенный автомобиль, и Саймон потянулся к окну, пытаясь показать водителю, чтобы остановился. Кин удержал его за плечо, произнёс фамилию и приказал выполнить команду.

Саймон сделал то, что ему показали, и не сразу поверил, что движение руки уже закончилось. Первые доли секунды за окном ничего не изменилось, затем мост закрыло пылью, а грохот толкнул его в стол. Стекло дрогнуло в раме, по подоконнику покатилась старая гайка, и он поймал её, сам не понимая зачем.

Когда сержант вытащил его наружу, над водой всё ещё висела пыль. Сквозь неё был виден оборванный край проезжей части, на котором стояла остановившаяся машина, а рядом бежали люди, разворачиваясь обратно. Саймон попробовал узнать автомобиль старика, но увидел только разные цвета кузовов и чью-то поднятую руку.

— Хейл, смотри на меня, — сказал Кин, повернув его за воротник. — Тебе сейчас нужно дойти до машины, там свои люди, они тебя ждут. Я повторять больше не буду, идёшь рядом и не отходишь ни на шаг.

Саймон кивнул и разжал ладонь только у грузовика. Гайка упала в пыль, а пальцы всё равно остались согнутыми, будто продолжали удерживать маленький металлический предмет. На другом берегу кто-то сигналил, но с их стороны больше не было дороги, по которой можно было ответить на этот зов.

Они уехали по внешней дороге вдоль залива, оставив разрушенную переправу позади. Саймон сидел напротив Брукса, придерживал его ногу через сложенную куртку и смотрел, как тот стискивает зубы на каждой выбоине. Раненый требовал ехать медленнее, но, когда Прайс сбрасывал скорость, сразу спрашивал, далеко ли ещё.

Никто больше не говорил про учения. Коул прижимал к уху телефон, хотя экран уже погас, а Грант пересчитывал оставшиеся бутылки и всё время сбивался на одной и той же. Виктор сидел у борта спиной к воде, повернув лицо так, чтобы нельзя было понять, смотрит он на дорогу или просто закрыл глаза.

У ворот базы долго не появлялся часовой. Прайс просигналил, затем спрыгнул на землю и сам отодвинул заграждение, которое накануне открывали по команде. Саймон увидел на асфальте велосипед, прислонённый к тумбе, и невольно стал искать человека с пакетом из пекарни.

Парня не было, как и большей части машин на стоянке. На плацу остались несколько поддонов, пустой ящик и растянувшийся через дорогу кабель, который пришлось переехать

одним колесом. Прайс остановил грузовик перед штабом и выключил двигатель, после чего тишина показалась Саймону настолько полной, что он на секунду задержал дыхание.

Самер вышла из здания ещё до того, как Кин открыл борт. Она быстро посмотрела на всех, задержалась на Бруксе и сразу велела заносить его внутрь. Прайс ответил, что в медпункте нужен человек, а подполковник сказала, что дежурный остался и уже предупреждён.

Саймон спрыгнул, но правая нога подогнулась, заставив его схватиться за кузов. Он решил, что тоже ранен, и с удивлением увидел целую ткань на колене, только сильно испачканную. Самер заметила движение, придержала его за предплечье и спросила, может ли он идти самостоятельно.

— У меня всё нормально, — ответил он, стараясь выпрямиться. — Только рукав порвал, там даже почти не болит, посмотрите Брукса. Его задело у палатки, мы не сразу смогли вытащить, потому что он под железом оказался.

Она отпустила его, вызвала дежурного и потребовала принести воду. Кин начал докладывать, но Самер остановила его, пока не сверили людей по фамилиям. Саймон услышал собственную, ответил с опозданием и понял, что все семеро вернулись, хотя уверенности в этом до сих пор не было.

— Где остальные? — спросил Саймон, когда ему протянули бутылку. — Когда мы уезжали, у ворот очередь стояла, а теперь даже машины убрать некому. Их всех уже отправили в город, или они ещё должны вернуться?

— Личный состав вывели на усиление, — ответила Самер, закручивая колпачок маркера. — Часть в аэропорт, часть на городские объекты, новые сведения жду по связи. Вам сейчас нужно в казарму, привести себя в порядок и сообщить обо всех ранениях, в том числе о тех, которые почти не болят.

Она посмотрела на его разорванный рукав, и Саймон машинально прикрыл его ладонью. Ему хотелось, чтобы она спросила о мосте, потому что тогда пришлось бы ответить, а пока слова оставались внутри и мешали дышать. Самер вместо этого велела ему сесть на ступени и медленно выпить воду, после чего ушла с Кином в штаб.

Из открытого окна донеслось требование снова уточнить свободных людей и транспорт для аэропорта. Самер отвечала, что резерв почти исчерпан, но затем попросила повторить место сбора и велела принести карту. Виктор поднял голову к окну и посмотрел на Саймона, впервые за всю дорогу встретившись с ним глазами.

Саймон достал телефон, заметив на экране значок полученного сообщения. Мать написала только, что она дома, и эта короткая фраза заставила его опустить голову, чтобы никто не увидел лица. Он хотел ответить, но мокрый палец не попадал по буквам, и пришлось вытереть его о штанину.

У ворот посигналили, резко и несколько раз подряд. Кин вышел из штаба и пошёл навстречу въехавшему грузовику, а Саймон остался на ступенях, сжимая бутылку, из которой так и не сделал ни глотка. Машина свернула к штабу, и он узнал на борту обозначение «Альфы», присыпанное серой пылью.

В кузове кто-то лежал, под чужой рукой виднелось белое лицо. Человек в защитном костюме спрыгнул на землю, остановил подошедшего Кина и начал говорить, показывая то на грузовик, то на распахнутую дверь штаба. Самер вышла с картой в руке, выслушала несколько слов и сразу велела всем отойти от машины.

Саймон поднялся, чувствуя, как ноет порез под высохшей тканью. Водитель «Альфы» заглушил двигатель, но из кузова продолжал доноситься тяжёлый кашель, и кто-то просил помочь ему сесть. На этот раз врач приехал вместе с теми, кого нужно было спасать, и свободных рук на базе стало ещё меньше.

Глава 3

Саймон успел сделать два шага к грузовику, когда Самер выставила руку поперёк прохода. На карте, которую она всё ещё держала, ветер загибал угол, и подполковник машинально прижала его большим пальцем. Человек в защитном костюме повторил, чтобы никто не приближался, после чего полез обратно в кузов, помогая женщине с запотевшим щитком спуститься на землю.

— Доктор Хелен Уорд, Центр по контролю заболеваний, — представилась она, не протягивая руки. — Сначала скажите, где у вас можно разместить людей отдельно от остальных, и не посылайте за ними солдат без защиты. Мы приехали с эвакуационного участка, там уже не работает распределение, и я не знаю, кто из нас успел заразиться.

Самер указала на низкий корпус за медпунктом и велела Прайсу открыть боковой вход. Уорд спросила про общий коридор, воду и возможность закрыть проход к казармам, заставив её остановиться посреди следующего распоряжения. Саймон ждал резкого ответа, но подполковник только сложила карту и потребовала у дежурного ключи от внутренних дверей.

— Нам сказали подавать машину к дальнему выходу, а там уже никого из встречающих, — докладывал водитель, всё ещё пытаясь вытянуться. — Доктор нашёл нас сам, показал, кого забирать, остальные полезли следом, я даже посчитать не успел. Если бы мы стали разбираться, кто в списках, нас бы оттуда уже не выпустили, товарищ подполковник.

Из кузова донеслось требование позвать начальника смены, произнесённое удивительно спокойным голосом. Лежавший у борта мужчина попытался приподняться, и Саймон увидел на его плече капитанские знаки различия, наполовину скрытые чужой курткой. Кин назвал его по фамилии, но тот посмотрел поверх сержанта и снова потребовал начальника смены, словно обращался к пустому месту.

Фостер, как назвала второго врача Уорд, остановил Кина за локоть. Он что-то спросил капитана, подождал и осторожно убрал с его коленей пустую папку, которую тот прижимал обеими руками. Саймон узнал на папке такую же наклейку, какие утром были у людей с пропусками, и вдруг подумал, что этот человек, возможно, запрещал им проходить ещё несколько часов назад.

Защитные комплекты нашлись в вещевой, но ящик пришлось стаскивать с нижней полки вдвоём с Прайсом, а затем долго выправлять погнутую скобу. Саймон поддел крышку монтажкой, и Прайс придержал её коленом, чтобы дерево не отскочило ему в лицо. Внутри пахло резиной и отсыревшим картоном, часть упаковок оказалась порвана, а на одной маске ремень рассыпался в пальцах, оставив чёрную крошку.

Они принесли пригодное к боковому входу, где Уорд уже распоряжалась разгрузкой. Самер несла край носилок вместе с водителем и молча отступила, когда врач велела сначала освободить порог и переставить бак с водой. Саймон никогда не видел, чтобы гражданский человек так разговаривал с подполковником, однако носилки застревали в двери, и спор о званиях ничем бы не помог.

Пока переносили следующего больного, Фостер усадил Саймона на перевёрнутое ведро и разрезал прилипший рукав. Порез оказался неглубоким, но врач долго расспрашивал, чем его задело и кто был рядом, а Саймон путался в ответах, вспоминая проволоку и кровь Брукса. Фостер обработал рану, закрыл повязкой и записал его фамилию на отдельном листе, после чего Саймон уже не смог перестать думать об этом листе.

— Мы были у больного на блокпосту, — сказал он, задержав врача вопросом. — Сначала без масок, он ещё сидел, разговаривал, ему просто воды давали, а потом стало хуже. Вы теперь всех нас сюда посадите, или можно хотя бы узнать, чего ждать?

Фостер спросил, у кого есть температура, и велел передать товарищам, чтобы они пришли на осмотр, не дожидаясь следующей команды. Он говорил ровно, но, когда потянулся за новой перчаткой, дважды не попал рукой в коробку. Саймон заметил у него под щитком красную полосу на переносице и впервые подумал, что врач мог провести в этой одежде весь день, а возможно, и предыдущую ночь.

Брукса перенесли из медпункта в отдельную комнату чистой части корпуса, подальше от привезённых, и Коул остался помогать дежурному с перевязкой. Самер велела записать всех прибывших и больше никого не проводить через центральную дверь, а потом остановила Саймона с Виктором у крыльца. Она дала им складские ключи и чистую ведомость, на которой уже стояла сегодняшняя дата, но не было ни одной цифры.

На складе горела одна лампа над столом приёмщика, остальные не зажглись даже после нескольких щелчков. Виктор пошёл между стеллажами, пересчитывая коробки вслух, а Саймон проверял надписи и ставил отметки на листе. Рядом с пустой тележкой лежала оставленная кружка, внутри плавала размокшая сигарета, и от неё пахло сильнее, чем от сухих супов на полке.

Сначала получилось сорок ящиков, и Виктор даже присвистнул, постучав костяшками по верхнему. Потом они вскрыли первый и обнаружили двенадцать индивидуальных рационов, во втором осталось семь, а две коробки с крупными цифрами на боку оказались тарой для одноразовой посуды. Саймон зачеркнул прежний итог и начал заново, теперь уже не доверяя ни накладной, ни аккуратно заклеенным крышкам.

— Вот теперь я понял, зачем армия придумала столько бумаги, — сказал Виктор, вынимая из коробки последние пакеты. — Если сосчитать ящики, можно жить до весны, а если заглянуть внутрь, хочется обед пропустить заранее. Пиши отдельно ложки, вдруг командование согласится считать их мясными консервами.

К концу проверки у них было триста сорок шесть полных рационов и ещё восемнадцать разрозненных упаковок, которые нельзя было считать целыми порциями. Саймон записал воду отдельно, а потом добавил карандашом число прибывших, переданное через дверь Прайсом. Он поделил запас на всех, включая больных, и понял, что даже спокойная неделя съест большую часть того, что из прохода выглядело складом до потолка.

Прайс вернулся с канистрой и испачканной тряпкой, оставив на пороге мокрые следы. Генератор он запустил, но подключать к нему все корпуса не собирался, и теперь выяснял, куда дели журнал выдачи топлива. Виктор указал на стол, а капрал, пролистав несколько страниц, выругался вполголоса и пошёл проверять цистерну собственными глазами.

У самой стены нашлась низкая дверь в служебную кладовую, которой они раньше не пользовались. Виктор поставил туда два пакета с едой и прикрыл сверху рабочими перчатками, после чего оглянулся на Саймона, словно предлагал оценить удачное решение. Тот посмотрел на ведомость, где каждая порция уже получила свою короткую чёрточку, и не сразу понял, что товарищ ждёт ответа.

— Пускай лежат здесь, мы же не чужим отдаём, — объяснил Виктор, понизив голос. — Вдруг ночью придётся уходить, а кладовщик унесёт ключи или эти доктора решат закрыть нас до конца света. Не собираюсь я на улицу с пустыми руками только потому, что у кого-то на бумаге всё красиво сошлось.

— Если уходить, нам этого на день хватит, — сказал Саймон, возвращая спрятанные пакеты в ящик. — А если оставаться, Прайс вечером спросит, куда делось, и ты предложишь ему поверить, что мы считать не умеем. Давай сначала узнаем, что вообще будет к ночи, я уже устал заранее выбирать, от кого бежать.

Виктор долго крутил в руках оторванную ленту, потом бросил её в коробку с мусором. Он спросил, собирается ли Саймон и через месяц стоять на посту, если начальство исчезнет и

никто не пришлёт ни смены, ни денег. Саймон ответил, что не знает, и это разозлило Виктора сильнее любого разговора о присяге, потому что спорить оказалось не с чем.

Они перенесли подсчитанные рационы ближе к выходу и вернулись в штаб уже в сумерках. Самер прочла ведомость, уточнила, учтены ли вскрытые упаковки, и записала итог у себя, не спрашивая, почему работа заняла так долго. Саймон заметил на её столе нетронутый стакан чая и лист со списком прибывших, где напротив нескольких фамилий ещё оставались пустые места.

Прайс доложил, что топлива меньше, чем указано в журнале, и объяснил, какие помещения можно оставить с обогревом. Самер велела отключить пустую казарму и перенести людей в ближний корпус, но сохранить отдельное питание карантинного крыла. Когда капрал спросил про её комнату, она указала на соседний кабинет и сказала, что походная кровать там поместится, если убрать два стула.

Саймон собирался отдать ключи и уйти, однако из приёмника на краю стола донеслась речь на незнакомом языке. Человек у рации прибавил громкость, подождал несколько секунд и быстро записал что-то на обороте конверта. Виктор остановился рядом с дверью, и Самер, не поднимая головы от цифр, велела им остаться, раз уж они всё равно слушают.

Человеком у приёмника оказался лётчик Натан Рид, которого Саймон раньше видел только издалека, возле ангара. Теперь он сидел в расстёгнутой куртке поверх свитера и медленно переставлял ручку настройки, придерживая провод наушника у самого штекера. На подоконнике лежали его шлем и перчатки, сложенные так аккуратно, будто вылет могли объявить в любую минуту.

С зарубежной станцией они ничего не разобрали, кроме названия города, которое Рид повторил уже по-английски. Затем нашлась новостная передача, и диктор перечислил закрытые аэропорты, отменённые рейсы и ограничения на границах, время от времени прося слушателей не покидать дома. Саймон ждал, что сейчас назовут место, куда ещё принимают самолёты, но после короткой паузы тот же голос начал говорить о переполненных больницах за океаном.

Уорд вошла во время следующей сводки и остановилась у обогревателя, не снимая защитной одежды. Её спросили о закрытом секторе, и она ответила, что Фостер пока справляется, а ей нужны сведения о других очагах, если их вообще можно считать отдельными. Рид подвинул к ней конверт с записанными частотами, и врач впервые присела, осторожно опустив руки на колени.

— Значит, везде одно и то же? — спросил Виктор, выждав конец сообщения. — Нас утром держали у моста, будто достаточно перекрыть дорогу и всё останется по ту сторону, а теперь вы говорите про другие страны. Кто-нибудь вообще знает, от чего люди умирают, или мы будем считать температуру, пока не закончатся живые?

— Я знаю, что видела у пациентов, Брэнт, и не буду подменять этим лабораторный результат, — сказала она. — Высокая температура, тяжёлое нарушение дыхания, у части людей спутанность сознания, но одинаковые симптомы ещё не объясняют причину. Нам нужны оборудование, образцы и время, а пока я могу требовать защиту и разделение людей, потому что без этого мы потеряем ещё и тех, кто помогает.

Виктор спросил, спасла ли она хоть кого-нибудь сегодня, и сразу посмотрел в сторону, будто пожалел о вопросе. Уорд ответила, что двое из привезённых сейчас дышат легче, после чего потёрла закрытую перчаткой ладонь о колено. Она не стала обещать, что они доживут до утра, и Саймону захотелось, чтобы Виктор перестал смотреть на неё так, словно отказ от обещания был личной жестокостью.

— У него сестра в больнице, — сказал он, прежде чем успел решить, имеет ли право это говорить. — Их сегодня переводили, он не может дозвониться и не знает, куда ехать, если там

всё закроют. Может, вы слышали про перевод персонала из восточного корпуса, нам только адрес нужен.

Врач спросила название больницы и записала его на полях, но сообщить адрес не смогла. Виктор произнёс благодарность так сухо, что Саймон не понял, благодарит он или просит оставить его в покое. Потом тот отошёл к окну и занялся телефоном, хотя ни одного деления сети на экране по-прежнему не было.

Самер несколько раз вызывала вышестоящий штаб, каждый раз меняя только время последнего запроса. На одном канале ей ответили и велели поддерживать готовность к переброске, но на вопрос о транспорте сообщили, что данные уточняются. Когда она попросила подтвердить безопасный маршрут из аэропорта, говоривший начал повторять прежний приказ, а потом связь оборвалась посреди слова.

Саймон вышел в коридор и набрал номер матери, держа аппарат обеими руками. Вызов даже не начался, а старое сообщение «Я дома» оставалось последним в переписке, будто после него жизнь в квартире остановилась. Саймон написал, что находится на базе и с ним всё в порядке, затем долго смотрел на значок неотправленного сообщения, пока в конце коридора не появился Коул.

У того телефон, наоборот, лежал на раскрытой ладони и непрерывно светился. Коул остановился под лампой, перечитал короткий текст и спросил, можно ли сейчас выехать через южные ворота, где ещё сохранилась дорога к жилым кварталам. Саймон ответил, что надо говорить с Самер, но товарищ уже шёл мимо него, придерживая большим пальцем экран, словно боялся потерять полученные слова.

В этот момент из наружного тамбура вошёл Фостер и сразу позвал Уорд, не заглядывая в комнату до конца. Саймон услышал про падение давления и человека, который перестал отвечать на вопросы, а затем врачи вместе вышли через боковую дверь. Коул остался напротив стола Самер и произнёс, что его жена сидит с ребёнком в ванной, потому что входную дверь кто-то пытается открыть снаружи.

Самер поднялась и попросила адрес, а Коул повторил его дважды, торопясь и сбиваясь на название поворота. Он говорил, что машина есть, Грант умеет объехать закрытые улицы и им нужно только открыть ворота, больше ничего. Пока подполковник отмечала дом на карте, в дверях появился сам Грант, а за ним Брукс, опирающийся на обёрнутую бинтом деревянную трость.

— Я могу сначала проверить подъезд, — сказала Самер, повернув к ним карту. — По этой улице у меня нет подтверждённого прохода, а объезд выводит к развязке, откуда последние сообщения пришли ещё днём. Дайте мне связаться с постами, прежде чем сажать раненого в машину и отправляться туда всем вместе.

Коул спросил, сколько времени займёт проверка, и подполковник не ответила сразу. Из приёмника за её спиной донёсся чужой позывной, Рид потянулся к микрофону, но Самер жестом попросила его подождать. Она сказала, что начнёт немедленно и сообщит результат, как только получит ответ, а Коул медленно покачал головой, всё ещё сжимая телефон.

— У неё дверь сейчас открывают, понимаете, не завтра и не после проверки, — произнёс он. — Я сказал ей запереться, сказал сидеть тихо, а она спрашивает, когда я приеду, и мне нечего написать. Если это ваша семья там, вы тоже будете ждать, пока какой-нибудь пост соизволит ответить?

Кин шагнул к нему, и Грант сразу подался вперёд, оказавшись между сержантом и товарищем. Несколько секунд никто не говорил, только Брукс шумно втягивал воздух, перенося вес с больной ноги. Саймон увидел у Гранта через плечо набитую сумку и понял, что они уже были на складе или в казарме, пока он слушал радио.

Грант сказал, что легковую машину берёт свою, заправил её ещё до тревоги и разрешения на собственные ключи просить не станет. Самер напомнила, что они остаются военнослу-

жащими, а он ответил, что помнит, кем является, просто больше не может оставаться здесь. От этого спокойного ответа Саймону стало страшнее, чем от крика Коула, потому что никакого следующего аргумента у Гранта, похоже, уже не было.

— Оружие на ремни, руки убрали, — приказал Кин, глядя сначала на одного, затем на другого. — Никто сейчас не выходит и ничего сам не решает, пока подполковник не закончила. Грант, я с тобой разговариваю, поставь сумку и отойди от двери.

Саймон не видел, кто первым коснулся ремня, но заметил, как Виктор убрал ладонь с косяка и выпрямился. Самер велела Кину остановиться, затем повторила приказ уже по имени, и сержант повернулся к ней всем корпусом. Она сказала, что стрелять в своих никто не будет, и попросила остальных выйти в коридор, оставив перед собой троих, которые собирались уехать.

Когда дверь открылась, Грант взял сумку, а Коул попросил у Прайса воду и рационы на дорогу. Самер разрешила выдать каждому по одному полному рациону и установленную капралом долю воды, запретив забирать запасные комплекты и общие канистры. Брукс начал говорить, что на троих этого мало, но Коул остановил его и кивнул прежде, чем спор начался заново.

Машина Гранта стояла у забора, прижатая к нему правым боком, поэтому Брукса усаживали с водительской стороны. Он попросил Саймона придержать трость и негромко поблагодарил за то, что вытащили его у моста, после чего отвернулся, пока ногу устраивали на сиденье. Саймон хотел спросить, как тот поднимется к родителям, но увидел на его лице выражение, с которым люди просят не произносить очевидного вслух.

Коул забрал воду и вернулся за частотой, которую Рид продиктовал для переносной рации. Саймон записал цифры на обороте складского черновика, завернул листок в прозрачную обёртку и сунул товарищу в нагрудный карман, чтобы тот не потерял его в темноте. Коул пообещал выйти на связь, когда заберёт семью, и попросил не занимать его койку, добавив это с такой серьёзностью, что Саймон сумел только кивнуть.

У ворот Кин проверил фамилии и номер машины, будто выпускал обычную служебную группу. Прайс отодвинул заграждение, фары осветили мокрую дорогу, и легковая машина медленно прошла между бетонными тумбами, проседая на выбоине. Саймон смотрел ей вслед до самого поворота, ожидая увидеть красный свет тормозов, но огни лишь уменьшились и исчезли за деревьями.

После их отъезда Прайс долго не закрывал ворота, прислушиваясь к дороге. Потом Кин назвал его по фамилии, и капрал вернулся к заграждению, встал поудобнее и один потянул тяжёлую секцию на место. Саймон взялся за другой край без приказа, а Виктор подложил под колесо плоский камень, который прежде всегда пинал в сторону Брукс.

В казарме уже отключили дальние лампы, и три пустые койки оказались в темноте. На спинке Коула осталась вешалка с тонким полотенцем, а у Гранта под тумбой обнаружился зарядный провод, до которого тот не дотянулся при сборах. Саймон поднял его, смотал и положил на полку возле рации, решив, что так будет проще отдать при возвращении.

— До утра останусь, — сказал Саймон, положив телефон экраном вниз, когда Виктор спросил, не собирается ли он тоже домой. — Потом посмотрю, что со связью, может, мать у соседей и просто не может зарядить свой. Я ей написал, где я, если сообщение уйдёт, хоть не станет искать меня по городу.

Виктор кивнул, словно Саймон предложил разумный срок, и снова вытянулся на койке. Снаружи ударила железная дверь, оба одновременно повернули головы, а потом постарались сделать вид, что просто прислушались к ветру. Когда за ними пришёл Кин, ни один ещё не успел снять ботинки, и сержант только махнул рукой, велев взять куртки потеплее.

Смены распределяли в кабинете Самер, куда Прайс уже притащил походную кровать. Подполковник поставила напротив каждой фамилии время и поручение, после чего перечитала список, проверяя, не отправила ли одного человека сразу в два места. Саймон увидел, как

мало строк понадобилось теперь для «Браво», и машинально поискал продолжение на следующем листе, хотя никакого следующего листа не было.

Рид сам предложил дежурить на связи и помогать Прайсу между сеансами, объяснив, что у запертого ангара он никому не помогает. Самер спросила о машине, и он ответил, что проверит её при дневном свете, но на вылет в таком состоянии рассчитывать пока нельзя. Она не стала расспрашивать при всех, только записала что-то отдельно и велела ему сначала поесть, потому что отдохнувший лётчик потребуется раньше, чем сытый шлем.

Саймону досталась проверка внутреннего прохода после полуночи, Виктор должен был сменить его ближе к утру. Кин подробно показал на схеме закрытые двери и напомнил, что карантинный сектор обходят снаружи, не сокращая через него дорогу. Отдельно он потребовал отвечать по рации сразу, даже если сообщить нечего, и Саймон впервые не почувствовал в этом обычной сержантской придирки.

Он уснул ненадолго, провалившись в тяжёлую темноту без сновидений, и проснулся от собственного движения. Левая рука затекла под головой, повязка тянула кожу, а в проходе кто-то возился с застёжкой, стараясь не шуметь. Это был Виктор, который так и не заснул и теперь сидел над телефоном, но на вопрос о сестре только отрицательно качнул головой.

Саймон вышел раньше смены, надеясь найти в умывальнике тёплую воду, однако из крана шла холодная. У штабной двери горела узкая полоска света, и, проходя мимо, он услышал голос Самер, произносящий позывной Коула. Она подождала, повторила вызов для Гранта и назвала номер машины, записанный Кином у ворот.

Дверь оставалась приоткрыта, и Саймон увидел подполковника за столом, уже без куртки, в свитере с оттянутым воротом. Рядом стояла кружка, под ней расплылось мокрое кольцо, но она не брала её, держа палец на кнопке передачи. При остальных Самер говорила ушедшим, что не сможет обещать помощь на дороге, а сейчас терпеливо просила подтвердить приём, будто от её терпения ещё что-то зависело.

Саймон хотел спросить, не было ли ответа, но остался за дверью, пока она не закончила очередной вызов. Потом прошёл дальше к посту Кина и принял рацию, стараясь не смотреть на лист с часами проверки слишком долго. Сержант спросил о температуре, дождался ответа и напомнил зайти к врачу утром, после чего впервые за день опустился на стул, не выпрямляя спины.

Внутренний маршрут проходил мимо пустой учебной комнаты и заканчивался у стеклянной перегородки перед закрытым сектором. Там оставили отдельную лампу, освещавшую жёлтую полосу на полу, а за дверью Фостер негромко разговаривал с кем-то из больных. Саймон услышал просьбу не вставать, остановился и увидел на матовом стекле высокую тень, которая двигалась неровными короткими рывками.

Он уже поднял рацию, когда из-за перегородки донёсся тяжёлый удар, словно металлический стол толкнули в стену. Фостер начал звать кого-то по имени, но голос оборвался, и в наступившей тишине Саймон различил скрип подошв по плитке. Он передал Кину, что у закрытого сектора нужна помощь, и пошёл к смотровому окну, откуда теперь виден был опрокинутый стул.

Глава 4

За смотровым стеклом Фостер стоял вплотную к стене, запрокинув голову, и Саймон сначала решил, что врач пытается достать что-то с верхней полки. Потом увидел чужую руку у него под подбородком и пятку, скользившую по полу в поисках опоры. Больной в расстёгнутой рубашке держал его за ворот защитного костюма, а второй рукой всё сильнее прижимал к стене.

Саймон нажал на дверную ручку, уже открывая рот для команды, но дверь не поддалась. Он дёрнул её ещё раз и только тогда заметил за стеклом дежурного санитара, который поднимался возле опрокинутого стула. Тот добрался до замка, повернул ключ и отскочил в сторону, а Саймон ввалился в тамбур, зацепившись плечом за косяк.

— Отпустите его и отойдите от стены, — сказал он, подняв винтовку. — Вы слышите меня, руки убрали, доктору нечем дышать. Лягте на пол, и мы вам поможем, только сначала отпустите человека.

Мужчина повернулся на голос, и Саймон узнал капитана, который ещё вечером требовал начальника смены. Теперь губы у него были разбиты, рубашка на груди почернела от пота, но он стоял твёрдо, не переступая с ноги на ногу. Саймон повторил команду громче, хотя видел, что капитан смотрит прямо на него и дело вовсе не в том, что он не расслышал.

Санитар попытался взять больного за запястье и сразу отшатнулся, ударившись о край стола. Фостер схватил с полки пластиковый лоток, но уронил его, не сумев размахнуться в тесноте. Саймон искал свободное место между телами и вдруг понял, что всё это время отступает к двери, хотя пришёл сюда вытаскивать врача.

Он перестал говорить и выстрелил, когда Фостер сумел отвести плечо в сторону. Грохот ударил по ушам, капитан качнулся, разжав пальцы, и врач сполз по стене на колени. Саймон подхватил его за целый край костюма и потянул к себе, но больной снова поднял руку, цепляясь за рукав, словно не заметил ни выстрела, ни крови на груди.

Второй раз стрелять пришлось почти сразу, не успев поверить, что первый ничего не закончил. После этого капитан упал между стеной и столом, придавив ногой рассыпанные лотки, а Фостер пополз к выходу, помогая себе локтями. Саймон тянул его за собой и никак не мог отпустить спуск, хотя палец уже не давил, только лежал на металле и дрожал.

— Встать можете, доктор, мне вас так не вынести, — проговорил он, пытаясь подвести руку под его плечо. — Держитесь за меня, сейчас придут остальные, только не ложитесь. Скажите хоть что-нибудь, чтобы я понимал, что вы меня слышите.

Фостер кивнул и закашлялся, прижимая ладонь к горлу поверх разорванного ворота. Санитар подхватил его с другой стороны, и они втроём добрались до двери, когда в глубине комнаты сдвинулась занавеска. Женщина, лежавшая на крайней койке, встала босиком и пошла к ним, волоча за собой стойку с пустым пакетом для раствора.

За ней поднялся ещё один человек, которого Саймон сначала принял за помощника врача. На нём была форменная майка, спереди прилипшая к животу, а с нижней губы тянулась нитка слюны, которую он не пытался вытереть. Женщина врезалась стойкой в косяк, остановилась на мгновение и снова дёрнула её вперёд, не выпуская из пальцев металлическую трубку.

Саймон оттеснил Фостера в коридор и потянул дверь на себя, но она упёрлась в лежавший на полу кабель. Санитар нагнулся, чтобы освободить проход, и женщина ударила стойкой по дверному стеклу у него над головой. Саймон схватил его за пояс, выдернул назад и толкнул створку плечом, однако между ней и рамой уже оказалась чужая рука.

Рация болталась на ремне, и кнопку пришлось искать на ощупь, удерживая дверь всем телом. Саймон передал, что больные нападают и Фостер ранен, после чего услышал Кина, который требовал не оставаться у входа. Фостер вцепился ему в локоть, показывая в сторону казармы, а за дверью раздался новый удар, от которого стекло осыпалось на жёлтую полосу.

Они отступили до учебной комнаты, где коридор поворачивал к жилой части, и едва не столкнулись с Кином. Сержант подхватил Фостера, передал его санитару и заставил обоих уйти за угол, а затем крикнул Саймону, чтобы тот не перекрывал проход. Виктор появился следом, ещё на ходу застёгивая куртку, и лицо у него было такое сердитое, словно его разбудили для нелепой проверки.

Он посмотрел мимо Саймона и остановился, забыв про застёжку. Из разбитой двери вышла женщина, волоча стойку, а человек в майке толкнул её в спину, обогнал и побежал неровной тяжёлой рысью. Саймон шагнул ему навстречу, собираясь снова потребовать остановиться, но Кин резко отвёл его плечом и выругался прямо в ухо.

Выстрелы показались громче тех, что были у блокпоста, хотя здесь их было гораздо меньше. Плитка крошилась под ногами, из стены возле шкафа вылетел кусочек штукатурки, и Саймон понял, что не знает, где за тонкой перегородкой находится Фостер. Он опустил ствол, дожидаясь, когда Виктор отойдёт от двери, и в эту короткую паузу женщина успела добраться до ближайшего стола.

Она ударилась бедром о край, но не остановилась и попыталась перетащить стойку через столешницу. Кин приказал отходить, Виктор выстрелил ещё раз, и металлическая трубка выпала из её рук со звоном, который Саймон услышал даже сквозь грохот. Человек в майке лежал дальше по коридору, но из карантинной двери уже показался третий, держась за стену и сдирая пальцами выцветшую краску.

Прайс закрывал боковой проход, где днём они носили защитное снаряжение. Ключ не хотел поворачиваться, капрал приподнимал дверь за ручку, и Саймон машинально бросился помогать, оставив между собой и столом слишком много места. Третий больной вдруг оторвался от стены и навалился на него сбоку, прижав винтовку к груди обеими ладонями.

Саймон почувствовал на щеке чужое дыхание и ударился затылком о шкаф. Он пытался оттолкнуть человека, но ботинки скользили по осколкам, ремень резал шею, а лицо противника оставалось совсем близко, и в нём не было ни злости, ни усилия. Потом Виктор врезался между ними плечом, Прайс выдернул Саймона за куртку, и все трое едва удержались на ногах возле двери.

— Все к последнему проходу, здесь не стоим, — приказала Самер, появившись со стороны штаба. — Кин, смотрите назад, Прайс, оставьте замок, вернёмся к нему позже. Хейл, посмотрите на меня и скажите, можете держать оружие, мне нужен ответ, а не кивок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.